

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

БРАТ,
КОТОРОМУ
СЕМЬ

Владислав Крапивин

Брат, которому семь

«Автор»

1963

Крапивин В. П.

Брат, которому семь / В. П. Крапивин — «Автор», 1963

Альке семь и он всего на три года младше своего родного города. Но жизнь этого мальчишки полна увлекательных событий. И вместе со своими друзьями ему предстоит пережить немало замечательных приключений...

© Крапивин В. П., 1963

© Автор, 1963

Содержание

Зелёная Грива	5
Алька ищет друга	10
Короткое счастье	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владислав Крапивин

Брат, которому семь

Зелёная Грива

Город на три года старше Альки. Городу всего десять лет. Раньше на его месте была маленькая деревня с кособокими избами. Она называлась Крутой Лог, потому что стояла недалеко от большого оврага. Сейчас вместо деревянных изб кругом стоят многоэтажные дома из кирпича или больших бетонных панелей. В общем, от деревни и следа почти не осталось. А лог остался. Он совсем недалеко от Алькиного дома. Надо только перебежать двор и пролезть между деревянными планками решётчатого забора. Худенький Алька легко пролазит.

От забора через кусты рябины и боярышника бежит тропинка. Она и ведёт к оврагу.

Но овраг начинается не сразу. Сначала идёт совсем пологий зелёный склон. Он покрыт невысокой травой с продолговатыми листиками. Есть у этой травы и цветы, только они чуть заметные. Совсем крошечные белые звёздочки.

А ещё здесь растут одуванчики.

Солнечные цветы одуванчиков – Алькины друзья. Ляжешь на траву, а они гладят тебя по лицу, ласковые, мягкие. И запах у них такой, что сразу вспоминается росистое утро, хотя на самом деле уже наступил жаркий день. А когда одуванчики отцветают и на них появляются пушистые шарики семян, можно отправлять в путешествие парашютистов. Сорвёшь, дунешь – и стайка семян, как крошечные человечки на парашютах, улетает под тихим ветром. А куда – никто не знает...

Правда, один раз из-за парашютистов была у Альки неприятность. Девчонка Женька из четырнадцатой квартиры сорвала травинку и сказала:

– Спрячь, Алька, где хочешь. Всё равно найду, вот увидишь. Только не бросай на землю.

– Ладно, – согласился Алька. – А ты не подглядывай.

Женька зажмурилась и отвернулась. Тогда Алька запутал травинку в волосах. Он как раз давно не стригся, а волосы у Альки светлые и густые. Пригладил Алька голову и сказал:

– Готово.

Женька пошарила у него в кармане на рубашке, велела кулак разжать, потом проверила, не спрятал ли Алька травинку в тапки, и наконец решила:

– Ты её в рот затолкал. Показывай.

Алька ухмыльнулся и рот разинул изо всех сил. А Женька – раз! – и туда ему всю компанию одуванчиковых парашютистов вместе со стебельком...

Алька догнал Женьку только у забора, когда она застряла между рейками. Женька зажмурилась и так заорала от страха, что Алька не стал её трогать. Только взял в кулак её тонкую косу и один раз треснул Женьку лбом о рейку. За это Альке попало от своей старшей сестры Марины. Но одуванчики-то здесь ни при чём, во всём была виновата Женька...

Если пройти немного вниз по склону, окажешься на краю крутого лога. Его берега заросли полынью, бурьяном и коноплёй. А на самых обрывистых местах желтеют пятна голой глины.

По дну лога течёт речка Петушиха. Почему у неё такое название, Алька не знает. И никто не знает. Никаких петухов на её берегах не водится. Иногда только плавают в речке чьи-то белые утки.

Петушиха – речка неглубокая, почти везде Альке по колено. Тихо качаются в её струях острые листья осоки. Синие стрекозы неподвижно висят над водой, смотрят, наверное, как плещут в ней золотые змейки солнца.

А речка знай бежит себе среди мокрой травы, бежит туда, где берега оврага становятся совсем низкими и расходятся широко-широко, будто приглашают Петушиху поскорее слиться с большой рекой.

По большой реке днём и ночью идут пароходы и гудят так, что даже в городе слышны их голоса.

Алька любит бегать с ребятами по оврагу, карабкаться по откосам, прятаться в полынных зарослях. Можно подумать, что кругом дикие горы и африканские джунгли. Иногда Алька так напридумывает, что самому станет жутковато: а вдруг выглянет из бурьяна косматая львиная голова да как рыкнет!..

Любит Алька охотиться за стрекозами, смотреть, как ведут свою неторопливую жизнь красные жуки с чёрными узорами на плечах, и бродить в тёплой воде Петушихи...

Но больше всего Алька любит свою берёзу. Она растёт на зелёном склоне, почти над самым логом.

Берёза эта особенная. Сначала ствол её поднимается прямо вверх, но в метре от почвы изгибается и вытягивается над землёй, а потом уже снова делается прямым и устремляется высоко в небо.

Алька любит сидеть верхом на изгибе ствола. Будто это лошадь, белая, в чёрных яблоках. Есть у Альки сабля. Он её сам вытесал кухонным ножом из обломка доски. Доска была кривая, и сабля получилась изогнутая, как настоящая. Гикнет Алька, пригнётся к лошади – и марш в атаку!

А иногда Альке кажется, что он богатырь из сказки. И лошадь у него волшебная, великанская. Высоко под облаками шумит её зелёная грива. Неспешным шагом выходит конь на простор.

Слева – трубы завода, где работает Алькин отец. Большой завод, новый, вырос вместе с городом. Справа – новые дома, а за ними встаёт синее море далёкой реки. А впереди, за логом, – только луга, да берёзовые рощицы, да синий лес далеко-далеко. Сейчас богатырским скачком перемахнёт Алькина лошадь на тот берег и понесёт его, шумя зелёной гривой, по незнакомым землям.

Если на горизонте лежат жёлтые кучевые облака, Алька думает, что это высокие горы далёких стран. Если небо чистое, он думает, что конь вынес его на край земли, на берег океана. Это потому, что склон обращён на север, и солнце никогда не слепит Альке глаза: оно или сзади, или сбоку. А небо с северной стороны всегда самое синее...

Иногда, набегавшись среди конопляных джунглей и порубив целые полки бурьяновых кустов, Алька садится на свою лошадь и устало прижимается щекой к прохладному белому стволу. И слышит тихий ровный шум. «Ты о чём шумишь, Зелёная Грива?» – «Обо всём». – «Тебе всю землю видно с высоты?» – «Нет, не всю. Земля круглая, всю её не увидишь». – «А половину?» – «Половину я вижу». – «И горы, и море?» – «И море, и острова, и реки, и снежные горы, и горячие вулканы... А ещё вижу тёмные леса с заколдованными теремами и волшебные озёра, где плавают серебряные звёзды...»

И опять несёт Альку Зелёная Грива по сказочным странам.

Алька иногда сидит долго, пока оранжевый закат среди чёрных заводских труб не подёрнется сизым пеплом и пока не встанет над ним тонкий неяркий месяц, а на дне лога не лягут белые полосы тумана. А тогда... тогда из-за кустов появляется Марина и прогоняет сказку:

– Александр! Скоро ты явишься домой?

Марина старше Альки вдвое. Спорить с ней бесполезно – хорошего не добьёшься. Вот если бы у Альки был старший брат, такого разговора не случилось бы, наверно. Брат всегда бы помогал Альке, перед всеми бы заступался. Но брата нет.

И только Зелёная Грива знает про Алькины обиды.

Было всё хорошо, но вдруг нависла над Зелёной Гривой беда.

Алька сидел на своём коне и, согнувшись, старался концом сабли дотянуться до пушистого одуванчика, чтобы пустить парашютистов. И в это время подошёл высокий парень в клетчатой рубаше и низких запыхавшихся сапогах. У парня была тонкая шея, бритая круглая голова и маленькие глаза без бровей. На плече парень нёс длинную тяжёлую рейку с белыми и чёрными отметинами, с красными цифрами.

Парень бросил рейку, облегчённо пошевелил плечом и сказал:

– Привет, пацан.

Алька робко ответил:

– Привет...

Парень вытащил пачку «Беломора», достал папиросу, задумчиво пожевал её и снова заговорил:

– Березу объезжаешь, значит?

– Нет, – тихо сказал Алька. – Это я играю.

Парень закурил, выпустил из носа две струйки дыма и лениво сообщил:

– Ну, вкалывай, наездник. Скоро твоей игре капут!

– Почему? – спросил Алька, с беспокойством глядя на незваного гостя.

Тот охотно объяснил:

– Дорогу с севера в город тянут. Значит, надо мост через овраг строить. Здесь его и поставят. А берёзу твою – под корешок.

– Как – под корешок? – встревожился Алька.

– Не понял? Эх ты, молоко зелёное. Срубят – и крышка.

– Дяденька, не надо! – крикнул Алька и прыгнул на землю. – Зачем?

– Ха! Не надо! А мост? Мост – это строительство. А берёза ему препятствие. Ясно?

– А если в другом месте сделать мост? – попросил Алька. – Можно, дяденька? Тут везде места много. – Он двумя руками держал Зелёную Гриву за ствол, будто над ней уже занесли топор.

Парень затоптал недокурную папиросу, сплюнул и объяснил:

– Новое место искать надо. А я, пацан, устал. И некогда мне. Меня помощник ждёт на той стороне.

Он поднял рейку и вдруг ухмыльнулся, так что глаза его совсем превратились в щёлочки.

– Слушай, малёк, давай заключать договор.

– А как? – несмело поинтересовался Алька. – Я не умею.

– А это просто. Ты хватай мою рейку и доставляй на тот берег. А я за это, может быть, завтра найду для моста другое место. По рукам?

Алька поспешно кивнул. Не спорить же с человеком, от которого зависит жизнь Зелёной Гривы!

– Хватай и двигай вперед, – ухмыляясь, велел парень.

Алька торопливо схватил рейку. Она была тяжёлая, на плече не унесёшь. Тогда Алька сунул один конец под мышку, а другой конец стал волочиться по земле. Парень на это ничего не сказал, только велел двигаться поживей.

Под гору Алька спустился быстро. По дну лога идти тоже было нетрудно, только рейка прыгала по кочкам. Алька всё боялся, что она поцарапается и парень рассердится.

Когда подошли к речке, Алька хотел снять тапки, но парень сказал:

– Шагай, шагай... И Алька прямо в тапках пошёл по воде. Рейку пришлось поднять на плечо, и она больно давила острым ребром.

Но хуже всего стало, когда начали подниматься. Сухая глина осыпалась из-под ног, липла к мокрым тапочкам, набивалась в них острыми комками. Рейка путалась в полыни.

Алька скоро совсем выбился из сил. От горького полынного запаха, который он раньше так любил, заболела голова. И сердце колотилось часто-часто. А парень поднимался впереди и иногда оглядывался: I

– Ну как? Ползёшь, пацан?

Алька молча кивал и полз. Он боялся сказать, что устал. Вдруг тогда этот круглоголовый, разозлится и срубит Зелёную Гриву? "

Алька вспомнил берёзовые кругляки, аккуратно сложенные в поленницу. Он видел их зимой у кочегарки. Неужели так может быть?

Мёртвые кругляки вместо Зелёной Гривы?

– Что, малёк, порвём договор?

– Не... не хочу.

– Ну гляди. А чего в сторону отбиваешься?

– Конечно... – тяжело дыша, сказал Алька. – Здесь кусты вон какие. Я не пролезу.

– Ладно, жми в обход. Только живо.

А место, как назло, попало крутое-крутое, Алька полз наверх, торопился изо всех последних сил. Ведь хозяин рейки мог разозлиться, если бы ему пришлось ждать.

Вот бы успеть раньше!

Нет, не успел. Когда кромка берега оказалась перед Алькиными глазами, он увидел сапоги. И чуть не уронил рейку от досады. Ведь так старался!

Но тут Алька заметил, что сапоги не те. Чёрные и высокие. И тогда он поднял голову. Наверху стоял мужчина в серой кепке и парусиновом пиджаке. А рядом с ним стояла тренога с каким-то аппаратом. «Этот дядька и есть помощник», – догадался Алька.

– Ты откуда, малец? – услышал он густой голос. – Руку давай. Ух и увозился! Мать-то тебе задаст. А рейку где взял?

Алька оглянулся и кивнул на парня, который, ухмыляясь, подходил к ним. Потом бросил рейку и сел на траву.

– А ну, Касюков, ступай сюда, – негромко сказал мужчина. – Отвечай, ты что это с ребёнком делаешь?

– А что, Матвей Сергеевич, – всё ещё улыбаясь, начал парень, – пусть обучается. Трудовое политехническое воспитание.

На щеках Матвея Сергеевича под кожей с чёрными точками сбритых волосков заходили тугие узлы.

– Вот возьму я эту рейку, – тихо сказал он, – и сломаю о твой хребет. Это будет политехническое воспитание тебе. Высший сорт... Ах ты!... – взорвался он вдруг и, оглянувшись на испуганного Альку, добавил немного спокойнее: – Дуб-бина! Я тебя с практики к чёртовой бабushке отошлю и в техникум напишу!

«Вот так помощник», – подумал Алька.

Матвей Сергеевич наконец перестал ругать растерянно моргающего Касюкова и наклонился над Алькой.

– Устал? А зачем этого балбеса слушал?

– Он сказал... берёзу срубят... если не понесу, – прошептал Алька, всё ещё не вставая на ноги.

– Берёзу?

– Ага. Вон ту. Потому что будет мост... Дяденька, правда срубят?

Матвей Сергеевич чуть улыбнулся. Алька увидел, что теперь узлов на щеках у него нет.

– Твоя, что ли, берёза-то? – поинтересовался он и сел рядом с Алькой на корточки.

Алька растерялся.

– Моя... То есть она ничья. Я играю с ней. Ну, она всегда была. Правда срубят? – снова со страхом спросил он. – Правда, да?

– Нет, – сказал Матвей Сергеевич. – Чего же дерево губить? Да и мост пойдёт не туда, а в проулок. Не заденет. Близко, но ничего.

Он поставил Альку на ноги и большой ладонью прижал к пиджаку.

– Маловат ты, сынок. А то взял бы в помощники. Вместо этого дармоеда. Пошёл бы?

– Пошёл бы, – сказал Алька. – А вы дороги строите? Я подрасту.

– Конечно, – согласился Матвей Сергеевич. – Рости.

Алька ищет друга

Алька не спал. Он слушал дыхание незнакомых мальчишек. Слушал, как поскрипывают кроватные сетки, когда кто-нибудь повернётся с боку на бок. Смотрел в синее ночное окно. За окном стояли строгие немые берёзы. Они со всех сторон окружали дачи пионерского лагеря. Берёзы казались вырезанными из чёрного картона. Каждый листик был совершенно чёрный и неподвижный.

Чёрным был и переплёт окна, похожий на большую букву "Т". Альке чудилось, что окно хмурит брови. Оно было чужим, это окно. За ним не блестели огоньки завода, которые Алька видел дома, когда ложился спать. Он видел их целых семь лет, каждый вечер, и привык к этим огонькам. А здесь светили только редкие зелёные звёзды.

И всё здесь было незнакомым. . . Только где-то в соседней даче спала Марина. Но Марине в лагере было не до Алькиных переживаний. Её выбрали в совет дружины, и она целый день сегодня бегала между дачами, о чём-то хлопотала. Один раз только по привычке бросила на бегу:

– Александр, не смей ходить босиком!

Она всегда так с Алькой разговаривает. Не то что мама. Алька вспомнил маму, и ему ещё сильнее захотелось домой. Так захотелось, что Алька перевернулся на живот, уткнул лицо в подушку и всхлипнул.

– Ты чего . . . ревёшь?

Алька поднял лицо и снова услышал негромкий шёпот:

– О чём ты?

Алька не знал, кто лежит на соседней кровати. Этого мальчишку вожатая привела в палату, когда было уже темно и все почти спали. И Алька тогда притворялся, что спит.

Сейчас он шмыгнул носом и смущённо прошептал:

– Ни о чём.

И снова услышал:

– Ты первый раз в лагере, ага?

– Ага, – прерывисто вздохнул Алька.

Незнакомый мальчишка немного помолчал. А потом снова донёсся его доверительный шёпот:

– Ты не бойся, это ничего. Я, когда первый раз приехал, тоже сперва ревел потихоньку. С непривычки.

Алька хотел поскорее сказать, что совсем не плакал, или придумать какое-нибудь оправдание. . . Но не успел. Мальчишка соскочил на пол и придвинул свою кровать вплотную к Алькиной.

– Ничего, – снова услышал Алька. – Здесь хорошо. За деревней лес хороший. Большущий. Можно заблудиться и хоть целый месяц ходить. Всё равно дорогу не найдёшь.

– Ты заблуживался? – прошептал Алька.

– Ага. . .

– Целый месяц ходил?

– Не. . . Всего три часа. Потом все пошли искать, кричать начали. Я услышал и пришёл. Я бы и не заблудился, а меня какая-то птица завела в глубину.

– Какая птица? – спросил Алька. Он уже немного забыл, что соскучился по дому.

– Ну, птичка. Серая какая-то. Она от гнезда, видать, уводила. То подлетит, то упадёт, будто подбитая. Глупая. Думала, я гнездо зорить буду, а я просто её поглядеть хотел.

– Зачем поглядеть? – уже почти полным голосом спросил Алька.

– Ты тише, – испугался мальчишка, – а то спать заставят. Двигайся ближе.

Алька двинулся и перекатился на кровать соседа. А тот объяснил:

– Я всяких птиц люблю. У меня дома щеглы жили, чечётки. А ещё был снегирь. Яшка. Весёлый. Я его в городском саду поймал. Мне тогда снег за шиворот насыпался, с полкило, наверно, а я всё равно сидел и ждал...

– А где теперь эти птицы? – заинтересовался Алька.

– К весне всех выпускал. Я их подолгу не держу.

– Расскажи ещё, – попросил Алька, когда сосед замолчал. – Ты спишь, да? Расскажи...

– О чем ещё рассказывать? Я больше не знаю.

– Ну кто ещё у тебя был?

– Щеглиха Люлька была. Я её на свисток отзываться учил.

– На какой свисток?

– На деревянный. Из тополиного сучка. Завтра, хочешь, сделаю? Здесь тополи растут.

– И мне... сделаешь? – несмело и удивлённо спросил Алька.

– Ага. Обоим сделаю, – сказал добрый мальчишка и продолжал рассказ про Люльку: – Я ещё её учил клювом дверцу в клетке запирать. Это чтобы кот не сожрал. Он и так ей полхвоста выдрал. Здоровый кот, рыжий, как тигр. Только полосы не чёрные, а светлые.

Альке очень не хотелось, чтобы его новый знакомый перестал разговаривать. Тогда из темноты снова могла выползти тоска по дому. И Алька поскорей сказал:

– У нас дома тоже кошка есть. Медузой звать. А вашего кота как звать?

– Как меня, – ответил мальчишка и вдруг тихо засмеялся. – Мамка выйдет вечером на крыльцо и зовёт: «Васька, домой!» А какой Васька, никто не знает.

– И оба бежите? – засмеялся и Алька.

– Не... Я всегда думаю, что она кота зовёт, а кот думает, что меня. Он умный, только жулик.

– Почему жулик?

– Ну, Люльку-то чуть не слопал. А потом сел под клетку и караулит. Я его тогда взял за башку, подтащил к клетке и мордой по решётке поперёк проволоки – дзынь, дзынь! Как по струнам. Ух, царапался!..

Васька замолчал. Алька посмотрел в окно. Берёзы шевелили тихонько чёрными листьями, прислушивались. Удивлялись, наверно, нахальству кота-жулика, чуть не съевшего щеглиху Люльку. А зелёные звёзды мигали, как хитрые кошачьи глаза. «Дзынь-дзынь», – вспомнил Алька и улыбнулся, представив обиженную кошачью морду. Привалился к Васькиному плечу и заснул...

...Зарядку Алька проспал, потому что малышей в то утро решили не будить. И когда он проснулся, на соседней кровати никого не было.

После завтрака Алька снова побежал в дом, и тут он совсем расстроился. Все кровати были переставлены. Алькина кровать стояла в углу, а его соседом оказался маленький толстощёкий Витька Лобов. Алька познакомился с Витькой ещё вчера, в автобусе, и сразу понял, что он жадина и рёва. Вот и сейчас Витька забрал себе Алькину подушку, а ему подsunул свою, похуже. Ну и пусть – Альке не до этого.

– Витька, ты не видел Ваську?

– Какого Ваську? – подозрительно спросил Витька и загородил спиной подушку.

– Ну, такого... большого, – пробормотал Алька. Он и сам не знал, какой Васька. В темноте не разглядел. Даже голоса его настоящего не слышал, потому что ночью говорили шёпотом.

Витька сказал:

– Всех больших в соседнюю дачу перевели. Никого я не видел.

Алька отыскал Марину:

– Ты не видела Ваську? Большой такой...

– Во-первых, – сказала Марина, – почему ты опять бегаешь босиком? Во-вторых, надо говорить не «Ваську», а «Васю».

– Маринка, – вздохнув, снова начал Алька, – ты не видела Васю?

– Нет, – с достоинством ответила Марина. – Такого имени я в лагере не слышала. Есть только вожатый Василий Фёдорович. Иди обуйся.

К середине дня Алька уже несколько раз обегал весь лагерь, но мальчишку с именем Васька не нашёл. После мёртвого часа Алька ходил совсем скучный. Ни с кем не говорил и ни в какие игры не лез.

А после ужина Алька вдруг вспомнил про свисток. Васька же обещал свисток из тополиного сучка. А вдруг он в эту минуту как раз вырезает его?

Алька помчался к тополям. Они стояли тесной группой за самой последней дачей. Солнце уже спряталось за деревенские крыши, но верхушки высоких тополей всё ещё блестели в его лучах. От вечернего света листья там были жёлтые и оранжевые, будто наверху уже началась осень.

Было здесь очень тихо, и Алька услышал, как шепчутся деревья. Он долго стоял с запрокинутой головой. И лишь когда погасли самые последние листики, вздохнул и пошёл обратно.

Горна Алька не услышал и на вечернюю линейку опоздал. До этого Алька ни разу не опаздывал на линейки и не знал, можно ли это делать. Но догадывался, что нельзя. «Ох и попадёт», – уныло размышлял он, глядя из кустов черёмухи на площадку. Там уже ровным квадратом выстроились вокруг флага все отряды. «Сперва, наверно, от вожатых влетит, – решил Алька. – Потом от Марины».

Но Альке повезло. Он покрутил головой и увидел, что полоса кустов одним концом протянулась до самой линейки. И в том месте как раз стоял малышей отряд.

Алька решил собраться с духом. Для этого он набрал полную грудь воздуха, крепко зажмурился и снова открыл глаза. Потом он, пригибаясь, промчался вдоль кустов, двумя прыжками проскочил открытое место между последним кустиком и линейкой и оказался в самом конце строя, рядом с незнакомой девчонкой. А впереди стоял Витька Лобов.

Витька покосился через плечо и злорадно забубнил:

– А, опоздальщик... Вот попало бы тебе... Попало бы... Ладно, что переклички не было, а то пропесочили бы как вон того...

Алька выглянул из-за большого Витькиного уха. Он увидел, что у трибуны собрались вожатые и воспитатели во главе с начальником лагеря Галиной Святозаровной. А в сторонке, опустив удивительно лохматую голову, стоял мальчишка. Он был уже большой, старше Альки года на три. Лицо у мальчишки было грустным и упрямым.

– Значит, ты не хочешь рассказать, как разбил в кухне стекло? – после долгого молчания изрекла Галина Святозаровна.

– Не бил, – устало сказал мальчишка.

– Может быть, я била?

Мальчишка исподлобья "бросил на начальницу оценивающий взгляд и после некоторого размышления произнёс:

– Не знаю...

Ребята зашумели и засмеялись. Незнакомая девчонка вдруг повернулась к Альке:

– И чего они Лапу мучают? В кухне всё стекло вылетело, а он ведь из рогатки стрелял. От рогатки маленькая дырка в стекле бывает. Это тоже все знают.

– Ничего они не сообщают, – согласился Алька. Он сразу понял, что лохматый мальчишка с удивительным именем Лапа не виноват.

– Может быть, ты и с рогаткой не ходил у кухни? – язвительно спросила у Лапы Галина Святозаровна.

Лапа поднял голову и охотно признался, что ходил у кухни с рогаткой.

- Я ворон бил. Ну и что? Ворона на трубе сидела, а стекло-то внизу. Я что, косой?
- Ас рогаткой ходить – это хорошо? – спросила вожатая Алькиного отряда.
- Когда вороны цыпят в деревне жрут – это им, значит, можно, – мрачно сказал Лапа. –

А стрелять по воронам, значит, нельзя...

Эти слова, видимо, поставили в тупик даже Галину Святозаровну. Тогда она взялась за Лапу с другого бока:

– Ну хорошо... А где ты пропадал до вечера? Даже на мёртвом часе не был. Все товарищи переживали и беспокоились.

Из шеренги четвёртого отряда донеслись протестующие возгласы. Они доказывали, что Лапина судьба никого не тревожила: такой человек не пропадёт.

Однако массовый протест не обескуражил Галину Святозаровну. Она велела Лапе «стоять как следует» и потребовала ответ:

– Где ты был?

– Я был... – со вздохом начал Лапа. – Ну, я ходил... Там коршун летал, а я ждал. Потом ещё я искал одного... человека.

– Какого человека?

– Обыкновенного...

– Обыкновенного! Как его зовут?

– Не знаю, – грустно сказал Лапа. Витька Лобов захихикал. Алька со злостью поглядел на его розовый затылок. Оттого, что Лапа целый день тоже кого-то искал, он ещё больше понравился Альке.

Уже начинало темнеть. Галина Святозаровна, наверное, решила, что пора кончать Лапино воспитание.

– Мне это надоело, – решительно рубанув ладонью воздух, заявила она. – Пионер Лапников два года подряд нарушает в лагере дисциплину и режим. В прошлом году он самовольно катался на лодке, падал с дерева, гонялся за птицами и заблудился в лесу. В этом году он бьёт стекла и не желает отвечать за это.

– Не бил, – безразличным голосом сказал Лапа.

Галина Святозаровна вдруг обрела спокойствие и огляделась.

– Хорошо. Допустим, не бил. Пусть тогда признается тот, кто вышиб стекло. А если виновник не будет найден, я сегодня же отправлю домой его – Василия Лапникова.

Она, эта строгая начальница лагеря, конечно, не знала, как вздрогнул при её словах семилетний мальчишка на левом фланге малышowego отряда. «Васька!» – чуть не крикнул Алька. Но не крикнул, потому что радость тут же угасла: Ваську выгонят сейчас из лагеря, и будет Алька опять один.

А из строя никто не выходил, никто не хотел признаться, что это он, а не Лапа, то есть не Васька, разбил дурацкое окно в кухне.

– Трусы они все!... – с горечью прошептал Алька.

Витька Лобов снова повернул круглую розовую голову и забубнил:

– Ага, какой умный! Кому охота, чтоб попадало.

Подозрение закралось в Алькино сердце.

– Витька, – прищурившись, сказал он, – это ты, наверно, выбил окошко.

Витька вытаращил глаза и даже чуть присел.

– Тише ты, балда. Не ври давай, – закудахтал он испуганно. – Не знаешь если, значит, молчи. Гадальщик какой! Сам не знает, а врёт. Может, это ты, наоборот, вышиб...

– Я?!

Алька уже собрался съездить Витьке по спине: будь что будет!.. Но не съездил.

– Значит, я? – спросил он струсившего Витьку.

Тот что-то пробормотал и отвернулся. У Альки под майкой пробежал холодок. Алька понял, что надо сделать. Только ему стало страшно.

Тогда он взглянул на Лапу. Васька стоял, опустив голову, и ждал решения своей судьбы. Ведь он ещё ничего не знал. А вот Алька знал, что сейчас будет. Он знал это уже точно и потому подождал несколько секунд. Ведь несколько секунд он мог ещё подождать. Потом Алька набрал полную грудь воздуха и зажмурился. И в этот ответственный момент вдруг представилась Альке обиженная морда Лапиного кота. Почему, он и сам не знал. «Дзынь-дзынь»... И щеглиха, весёлая Люлька, которая умеет запирать ключом дверцу...

Альке стало весело. Алькин страх в одну секунду съёжился, сделался совсем маленьким. И, пока он не вырос снова, Алька выскочил из строя, с удовольствием пихнув плечом испуганного Витьку.

– Я... Правда, я! – И добавил уже потише: – Я не нарочно...

Короткое счастье

Марина рисовала заголовок для лагерного «Распорядка дня», когда в пионерскую комнату влетел ябеда Витя Лобов и выпалил с порога:

– Марина! Твой Алька купил штаны!

Алька шёл по главной лагерной линейке. Вместе с ним шли лохматый Вася Лапников, по прозвищу Лапа, и Мишка Гусаков, а позади двигалась шумная толпа зрителей. На Альке были длинные брюки из белой парусины. Только держались они не на ремне, а на тонком шпагате из кручёного картона.

– Александр! – как можно строже сказала Марина. – Это что за фокус?

– Это вовсе не фокус, – откликнулся Алька. – Это штаны.

Он продолжал свой путь, сосредоточенно глядя под ноги. То ли боялся поглядеть на строгое лицо сестры, то ли любовался покупкой, поди разберись...

– Стой! – велела Марина. – Стой и отвечай. Где ты их взял?

Эта история началась после завтрака. Все пошли на костровую поляну разучивать песни для большого концерта, а Лапа стал сговаривать Альку убежать в лес.

– Черники наедемся – во! – пообещал Лапа и выразительно хлопнул себя по голому животу. – Топаем?

Алька стал думать. Если Марина узнает про такое дело, будет худо. Поэтому Алька думал почти целые полминуты. Но Лапа был его друг, и Алька, вздохнув, сказал:

– Топаем.

И они нырнули в кусты.

Весёлые берёзовые деревца с солнечными зайчиками на листьях будто смеялись вместе с мальчишками, что так здорово всё получилось. В березняке начиналась тропинка. Она соединялась с другой тропинкой, которая вела к деревянному мостику через ручей. А за ручьём начиналась деревенская улица, в конце которой темнел сосновый лес. Над лесом висело белое перистое облачко, а всё остальное небо было чистым и очень синим.

Под мостиком плескались две большие утки, а больше никого Алька и Лапа в деревне не увидели. Лапа сказал, что сейчас все на лугах косят траву.

Лапа шагал босиком. Алька поглядел на него и тоже снял тапочки. Пыль на дороге была мягкая, нагретая солнцем. После каждого шага она выбивалась из-под пальцев серым дымком. И тянулись за беглецами две цепочки от босых ног – маленьких и побольше.

Но если бы кто-нибудь пустился в погоню за Алькой и за Лапой, чтобы поймать их и пропесочить на вечерней линейке, то он увидел бы, что следы ведут вовсе не в лес, а в сельмаг.

Так получилось потому, что у красного кирпичного сельмага с ржавой вывеской Лапа вдруг замедлил шаги и спросил:

– Санька, ты мне друг?

Он всегда звал Альку Санькой. Понятно, Алька сказал, что друг. И тогда Лапа попросил:

– Зайдем давай на минуточку. Охота аппарат посмотреть. Понимаешь, «Смена-8». С дальномером.

Альке не хотелось смотреть «Смену-8» с дальномером. Ему хотелось поскорей добраться до леса, пособирать на опушке чернику и вернуться побыстрее в лагерь. Потому что, хоть светило яркое солнце, и весело шумели деревья, и всё было хорошо, Альку точило беспокойство. Вдруг в лагере узнают, что они удрали?

– Ну, на минуточку, – согласился Алька.

В магазине было душно. За прилавком сидел молодой продавец с очень круглым и скучным лицом. На Альку и на Лапу он даже не посмотрел. Молодой продавец шестой раз подряд слушал одну и ту же пластинку.

«О, Маржеле-е-ена-а!..» – голосил пыльный патефон.

Лапа сразу прилип к прилавку, где под стеклом лежала «Смена-8». Алька постоял рядом, тоже посмотрел на аппарат, а потом ему стало скучно.

– Лапа, идём, – позвал он.

– Ага, – не двигаясь, сказал Лапа.

Алька прошёлся по магазину, но ничего интересного не увидел. На полках лежали рулоны с материей, стояли флаконы с духами, зеркала в ракушечных рамках, жёлтые подстаканники. На прилавках тоже лежали куски материи: толстой – для пальто, и тонкой разноцветной – для девчоночьих платьев.

Алька скользнул скучными глазами по прилавку ещё раз и вдруг замер...

Лапа наконец насмотрелся на аппарат до отказа и оглянулся, чтобы позвать Альку. И тогда он увидел, что Алька навалился грудью на прилавок и смотрит будто на какое-то чудо.

– Ты чего?

– Штаны... – прошептал Алька.

Среди кусков материи лежали маленькие парусиновые брюки. Голова у Лапы была забита мечтами о фотоаппарате, поэтому он ничего не понял и только спросил:

– Что у тебя – штанов нету?

– Есть, – тихо сказал Алька, – но таких-то нету. Эти – как у моряков.

Короткие штаны на лямках да тёплые шаровары, которые приходилось натягивать зимой, надоели Альке за его жизнь ужасно, а настоящих, длинных брюк с петлями для ремешка, с хлястиками и карманами никогда ещё у Альки не было. Попробуйте целых семь лет прожить без таких брюк и тогда всё поймёте.

– Хорошие, – вздохнул Алька.

И в этом вздохе Лапа услышал тоску.

Продавец девятый раз заводил патефон. Лапа этим воспользовался и пощупал незаметно брюки. Потом солидно сказал:

– Мощные штаны... И цена ничего: два рубля и тридцать копеек.

– Дорогие...

– Да не так уж и дорогие. Рупь, да рупь, да еще тридцать копеек...

– Рупь у меня есть, – сказал Алька. – И копейки есть. Мне мама дала на дорогу. Марина отобрать хотела, чтоб ягод не покупал. Я не дал.

– Конечно, – повторил Лапа, – вещь стоящая.

Алькины глаза стали большими и блестящими. Он посмотрел Лапе в лицо и решительно сказал:

– Лапа, ты мне друг?

– Факт!

– Лапа, дай рупь.

Лапа запустил пятерню в лохматую голову и озадаченно заморгал.

– Нету у меня. Сорок копеек только есть. На аппарат копил.

Алька опустил голову. Они ещё с минуту молча постояли у прилавка. Лапа сказал:

– Айда!

– Айда, – прошептал Алька, но так тихо, что Лапа не слышал.

Патефон опять отчаянно звал Маржелену. Лапа посмотрел на Алькин затылок с уныло поникшим хохолком и решительно махнул рукой.

– Ладно! Давай бегом в лагерь! Когда они примчались к поляне, то услышали, как все четыре отряда поют:

Гори, костёр, подольше,

Гори, не догорай!

Никакого костра на поляне не было, но песня так всем нравилась, что никто не обратил внимания на Альку и на Лапу. И они сели рядом с Мишкой Русаковым. Мишка был человеком толстым, веснушчатым и предприимчивым.

– Мишка, дай рупь, – сказал ему в самое ухо Лапа.

Мишка перестал петь и удивился:

– Фью-ю! А может, два?

Двух рублей у Мишки не было, и Лапа понял, что тот издевается. Но стерпел.

– Если у человека порядочных штанов нет, какая это жизнь?! – рассудительно спросил он. – Надо Альке купить штаны, понятно? В сельмаге в аккурат на него продаются.

Мишка больше не пел, но и не отвечал. У Альки упало сердце.

– Я тебе в городе за этот рупь западёнку с тремя хлопушками дам, – пообещал Лапа.

– И чечета?

– Чечета я выпустил. Стакан конопля дам.

– Штаны – это конечно... – задумчиво сказал Мишка...

Эту историю Марина выслушала с каменным лицом, как и полагалось старшей сестре и заместителю председателя совета дружины. Потом она сказала, что отдаст Мишке рубль, а Лапу придётся, наверно, обсудить на линейке.

Альке, конечно, попало бы больше всех, но тут Марину позвал длинный очкастый командир первого отряда Костя Василевский, и она сразу заторопилась. А на прощание сказала:

– Ну, смотри, Александр! Раз купил, носи. Но, если порвёшь или измажешь, на глаза не попадайся.

Алька хотел сказать, что это его штаны, а не Маринины, но не стал. Ещё отберёт, пожалуй. И Марина удалилась, строгая и неприступная.

Был бы до самого вечера Алька самым счастливым человеком, но тут приехал в лагерь старший брат Галки Лихачевой. Он прикатил на велосипеде, и мальчишки выстроились в очередь, чтобы хоть разик прокатиться по аллее. С седла ни у кого ноги до педалей не доставали, поэтому все ездили стоя, под рамой. Алька тоже немного умел. Дали и ему. Толкнулся Алька ногой, нажал на педаль и вдруг увидел удивительную картину: небо закачалось, а сосны и берёзы перевернулись вниз кронами. Земля встала торчком и больно треснула Альку по лбу.

Потом Алька услышал голос Галкиного брата:

– Штанину-то подворачивать надо. Гляди, цепью заело.

Он вместе с велосипедом поднял Альку и вынул его из штанов. Иначе штаны никак нельзя было освободить. Когда провернули шестерню, на штанине увидели ровную цепочку дырок. Будто брюки прострочили на громадной швейной машине без ниток. А вокруг каждой дырки был чёрный след от жирной смазки.

– Да-а... – протянул Мишка Гусаков.

Алька сел на корточки, и на испорченную штанину стали капать крупные слезы.

– Не реви, – сказал Лапа. – Зашьём и выстираем.

Решили сперва выстирать. Мишка принёс кусок туалетного мыла. На речку не пошли: стирали в бочке с дождевой водой, которая стояла за столовой. Мишка говорил, что в дождевой воде стирать лучше всего. Вода скоро стала мутной и тёмной. Брюки почему-то стали тоже тёмными.

– Не реви, – снова сказал Лапа. – Высохнут – сделаются белые.

Дырки на штанине стали не такими заметными. Наверное, потому, что вокруг каждой расплылось грязное пятно.

Алька ушёл на дальнюю лужайку среди берёзовых кустов и остался там один со своим горем. Брюки он разложил на траве, чтобы сохли. Но они сохнуть не хотели.

Может, он так и просидел бы до самого ужина, но вдруг раздались шаги и побрякивание. Шли Лапа и Мишка, а побрякивал утюг.

– Будем сушить утюгом, – сказал Лапа. – Будут штаны белые и гладкие. Главное, Санька, сообразительность...

Алька прерывисто вздохнул и улыбнулся. Впервые после аварии.

– Где ты утюг взял, Лапа?

Лапа сказал, что взял утюг на кухне у поварихи тёти Вали, но это, конечно, тайна.

– Его углями греют, – гадал Мишка. – А вот как, не знаю.

– Не надо углями. Мы его, как чайник, над костром повесим. Сразу раскалится. Понятно?

– Понятно, – прошептал Алька, восхищённый Лапиным умом.

Лапа довольно похлопал себя по карману. В кармане брякал коробок со спичками.

Сухих веток в кустах не нашли, и Мишка сбегал ещё раз к кухне – за щепками. Лапа развёл огонь. Костёр получился маленький, но решили, что утюгу этого хватит. Алька разыскал подходящую палку, а Мишка и Лапа выломали две рогатины. Рогатины воткнули по сторонам от костра, положили на них палку, повесили на неё утюг.

Трещал бледный огонь. Сизый дымок таял, запутавшись в берёзовых листьях. Самые нижние листики желтели и скручивались от жары. Алька подкидывал щепки. В общем, всё шло хорошо. Потом одной рогатине надоело стоять, и она повалилась. А утюг упал в костёр.

– Ничего, – хладнокровно сказал Лапа. – Он железный. Так даже лучше нагреется. Кидайте дрова.

Через несколько минут утюг выкатили из костра палкой. Он лежал в траве и шипел. От земли шёл пар.

Трава сразу обуглилась.

Лапа велел Альке принести большой лопух, а Мишке – расстелить на траве брюки. Потом он обернул лопухом ладонь и взял утюг за ручку.

– Начали, – сказал Лапа, поднял утюг, взвыл и бросил его.

От лопуха шёл дым. От штанов тоже шёл дым, потому что утюг упал прямо на них. Лапа крутился на одной ноге и дул на ладонь. Мишка мужественно ударил по утюгу босой пяткой и сбросил его с брюк. После этого он взялся за пятку и тоже стал крутиться на одной ноге.

Один Алька не крутился. Он стоял неподвижно и смотрел на коричневое пятно, которое осталось на штанине.

Пятно точно сохранило красивую форму утюга.

– Знаешь что? – сказал Мишка, когда перестал танцевать. – Ты их лучше надень, пока они живы.

Алька надел. Брюки были пятнистые и твёрдые, будто из жести.

– Ничего, – утешил Лапа. – Главное, что длинные. Ты же, Сань, не стилига. Чего их гладить?!

Они затушили костёр и пошли в лагерь. После нескольких шагов коричневое утюжное пятно вывалилось целиком из штанины. Сквозь громадную дыру Алька увидел свою исцарапанную ногу.

Через несколько минут по лагерю двигалось печальное шествие. Впереди, глядя под ноги, шёл Алька. За ним медленно следовал Лапа. Он иногда качал лохматой головой, будто удивлялся чему-то. За Лапой нестройной толпой шли мальчишки и девчонки из малышей отряда.

Чем дальше, тем больше становилось провожатых. Только Мишки Русакова здесь не было. Он сказал, что отнесёт утюг, и, конечно, не вернулся.

В скорбном молчании процессия двигалась к даче, где жили девчонки старшего отряда. Так же молча все вошли в палату. Алька остановился посередине. Его спутники стали за спиной полукругом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.